

Автор оригинала: Jennifer Chen

С нами, девушками, всегда происходят какие-то несчастья, мы вообще обречены на них, мне так кажется. Возьмем меня. Еще совсем недавно я встречалась с одним отличным парнем, мы собирались пожениться, да и родители не возражали. А потом — авария, и его не стало...

Вначале я еще надеялась, что забеременела, что в память о нем у меня будет его ребенок. Но прошло две недели, только две недели, и выяснилось, что я ошибалась. Сейчас воспоминания о нем потускнели, и я уже даже не знаю, хорошо это или нет. Но так или иначе до этой ужасной ночи у меня кроме жениха никого так и не было.

Вы спрашиваете, кто я? Меня зовут Дженни, мне 19 лет, у меня пятнадцатилетний брат Билл и сестра Бегги, еще на год помоложе. Мы живем с родителями в предместье, но не очень далеко от центра города. Родителей часто отправляли в командировки, и тогда мы обычно ночевали у тети. В эту субботу они тоже отсутствовали, но позвонили и сказали, что выезжают, поэтому мы остались дома, тем более, что я должна была приготовить еду, прибраться, а главное, присмотреть за малышкой. Малышня — это Бежка, Билли и его друг Рой, приехавший к брату на пару дней из соседнего города.

Я уже давно заметила, что между Бегги и Роем что-то есть. А тут в предвкушении приезда Роя как-то вечером, вся залившись румянцем, она мне рассказала, что он ее уже пару раз целовал и что ей это очень понравилось. Ну да ладно, короче, вся малышня собралась в гостиной, а я занялась делами.

Был уже поздний вечер, а родителей все еще не было. Начав волноваться, я связалась с ними по сотовому. Оказалось, что автомобиль на обратном пути сломался и родители смогут быть дома только завтра к полудню. Я сказала, чтобы они не волновались, я уже взрослая и со всем управлюсь, в конце концов это только несколько лишних часов. Так что я убрала дом, накормила всех ужином и в полпервого отправила их спать. После всего этого я почувствовала себя смертельно уставшей и решила наконец лечь. Сначала, правда, я проверила, что и Бежка, и Рой уже спят у себя в комнатах, и по одному, а то кто его знает, что эта малышня учудит. Я заперла все окна и двери, погасила свет, приняла душ и пошла к себе.

Я давно уже спала, но внезапно почувствовала какое-то постороннее движение. Открыв глаза, я с ужасом увидела несколько теней, перемещающихся в темноте. Чья-то рука закрыла мой рот прежде, чем я смогла бы что-то крикнуть.

— Слушай, сука, если хочешь жить, помоги нам. Где у тебя деньги и побрякушки?

Сразу проснувшись, я оглянулась вокруг и оценила ситуацию. К нам в дом влезли шесть или семь здоровых парней. Сопротивляться совершенно бесполезно, их можно только озлобить. От малышни моей тоже толку мало. Поэтому кивком головы я указала на буфет.

— А где именно? Или ты хочешь, чтобы мы все перевернули? — спросил грабитель, зажимавший мне рот.

Я что-то невнятно промычала и дернула головой. Он убрал ладонь с моего лица.

— Во втором среднем ящике.

Они посветили фонариком и сразу нашли мои ожерелья, колечки, несколько пар золотых сережек, но это их не устроило:

— Сука, ты думаешь, мы поверим, что в доме больше ничего ценного?

— Я не знаю. Деньги и драгоценности у родителей в банке.

— А где родители?

— Родители у меня вооружены. И они вот-вот приедут.

В ответ раздался дружный смех:

— И чем это вооружены? Пушкой или минометами?

— Нет, у них должно быть с собой ракеты...

— «Вот-вот» — это через пару секунд или минут пять у нас есть?

— Ох, как ты нас испугала! Ты лучше скажи сама, где что лежит!

— Ребята, а чего мы в темноте, родителей что ли этих боимся? Давайте включим свет.

Они включили все, что можно. Ярко запылала люстра, зажегся торшер и даже настольная лампа на моем столе. Несколько человек стало рыться в комнате, а один пристально посмотрел на меня и одним сильным рывком сдернул одеяло. Я сразу прикрыла колени ночнушкой и с ужасом посмотрела на этих подонков. А они вытряхивали все из ящиков буфета, из коробочек, стоявших на туалетном столике, из шкафа, где висела моя одежда. Толком ничего ценного они не нашли, и тогда все столпились около моей кровати.

— Ну, сука, ты нас хорошо запомнишь! И надолго!

С этими словами один из них нагнулся, резким движением разорвал мою ночную рубашку и бросил ее на пол. Я осталась только в трусиках и лифчике, трое держали меня за руки и за ноги, при этом так смотрели на меня, что мне показалось, будто они облизываются. Меня это еще больше напугало, и я попыталась вырваться из их рук, но тогда один поднес прямо к моему лицу огромный нож. Я сразу замерла. Парни засмеялись:

— Ну вот, сразу притихла, а то больно много о себе воображает!

— Ага, и до сих пор почему-то одета!

— Ну это мы сейчас исправим, — с этими словами тот, кто показывал мне нож, разрешил им лифчик, а потом пальцами слегка приподнял мои трусики, двумя движениями рассек их и вытянул из-под меня.

Я была распята перед ними совершенно обнаженной и не могла даже прикрыться руками, а эти мерзавцы тотчас начали обсуждать и все сразу трогать мое тело. Грудь, живот, ноги, лобок, промежность. Они рассматривали и ощупывали меня так, как будто перед ними лежал не живой человек, а какая-нибудь резиновая порнографическая кукла. Десятка полтора рук одновременно шарили по мне, забирались в самые укромные места. Все эти прикосновения были ужасно противны, мне никогда еще не было так мерзко, но я ничего не могла сделать.

— Ребята, посмотрите, какие у нее сиськи, прямо так и хочется откусить, — один из них потрепал меня за грудь, а потом присосался к ней и больно укусил за сосок.

— А какие ляжки! — другой провел своей рукой мне по ноге и всей ладонью защемили внутреннюю сторону бедра. — Нежные, гладенькие!

— А какая щелочка! — третий погладил меня по лобку и ковырнул влагалище. — Вся в меху и розовая, как поросенок! Нас ждет.

— Давайте ее раскроем. Интересно, она целочка или нет?

— Так сейчас проверим.

С этими словами они задрали мои ноги к плечам и широко раздвинули их. Эти мерзавцы подошли поближе, столпились вокруг и стали разглядывать мою промежность. А потом один из них нагнулся, развел мои губки, а другой стал грубо копать во мне своими грязными пальцами.

— Мужики, да она уже шлюха. Должно быть со всем городом переспала.

— Врешь небось. Дай-ка я сам посмотрю, — он взял настольную лампу, поставил ее мне на живот, направил свет мне между ног и еще шире развел губки. Где-то с полминуты он внимательно всматривался, а потом тоже полез в меня всей рукой. — И правда шлюха. Но это и к лучшему, обслужит нас по первому разряду! — Все опять засмеялись.

Чувствовала я себя ужасно. Лежать перед этими подонками абсолютно голой, да не просто голой, а с раскоряченными и задранными к голове ногами, с раскрытой промежностью, в которую они светят и залезают пальцами, как куча гинекологов — это нечто невообразимое. Да их еще много, они смеются и крепко меня держат. Я же совершенно беспомощна, даже лампу с живота не могу сбросить. А если крикнуть, позвать на помощь, то прибежит вся моя малышня и тогда будет совсем кошмар.

А тем временем старший из них, вероятно главарь, расстегнул молнию и достал свой орган. Боже, он был прямо надо мной и это его сооружение выглядело таким огромным и грозным. Я поняла, что начались самые страшные мои испытания. Главарь же подошел ко мне и дотронулся головкой до моего лица:

— Лижи, шлюха!

Я в ответ только крепче закрыла рот и сжала губы. Они только рассмеялись, а главарь плотоядно ухмыльнулся и двумя пальцами крепко зажал мне ноздри. Видно у них все это было хорошо отработано. Я только чуть приоткрыла рот, чтобы вдохнуть воздух. И тотчас этот гад прихватил мою голову и насадил на свой огромный член. Чтобы не задохнуться, я вынуждена была открыть рот шире, а он сразу просунул еще глубже, прямо в горло. У меня было огромное желание совсем откусить или хотя бы укусить этот мерзкий вонючий отросток, но я прекрасно понимала, что в этом случае будет дальше... Так что выбора у меня не оставалось. А он тем временем начал двигать им вперед-назад. Никогда раньше я не занималась оральным сексом, только слышала об этом от подруг, да читала в книжках. Даже своего жениха я ни разу там не целовала, хоть мы и любили друг друга. А тут пришлось. Пришлось и сосать его, и лизать языком, когда он двигался у меня во рту. Ведь я же представляла себе, что получится, если этот подонок не будет доволен моим поведением. Но я твердо решила, что остальным мерзавцам это не позволю. Я же все-таки не малышня какая-нибудь, а взрослая женщина!

Не знаю, сколько длилось это испытание. Но в какой-то момент он напрягся, крепко зажал мою голову, а его мерзкий отросток еще больше затвердел. И я почувствовала, как ударила в рот и потекла вниз по горлу его отвратительная солоноватая слизь. Меня затошнило и я попыталась вырваться или хотя бы отвернуть лицо в сторону, но он что-то прорычал, а другой из этих подонков приказал мне не двигаться и глотать. Пришлось с этим смириться. Его яйца ударили по моему подбородку, а я глотала его жидкость. Что же мне еще оставалось делать? А эти мерзавцы стояли вокруг, держали меня за руки и с гогогом щипали за груди, за волосы и губки там внизу. Я только надеялась, что все на этом кончится.

Наконец он вытянул член изо рта. По моим щекам потекла какая-то ужасная смесь из собственной слюны и его сока, а я даже не могла вытереться. Ну а этот подонок, вместо того, чтобы сказать мне хоть что-то хорошее, хоть немножко похвалить, я же все-таки изо всех сил старалась для него, произнес только одно слово:

— Следующий!

Такой подлости и неблагодарности я не ожидала. Ну и к моему рту тотчас пристроились. Я,

конечно, еще раньше обещала себе, что никого больше обслуживать не буду. Ну а тут потеряла всякую надежду оставить этих подонков ни с чем. Так что я валялась, как рваная кукла какая-нибудь, а эти мерзавцы один за другим влезали своими погаными отростками в мой рот и ворочались в нем. Остальные же по-прежнему ощупывали меня и залезали всюду пальцами. А я должна была их лизать, обсасывать, а напоследок глотать их соки. Вначале меня тошнило, а потом я уже смирилась и воспринимала это просто как какую-то неприятную работу. И считать даже перестала, сколько раз мне пришлось это делать.

Тут я почувствовала, что мне начали теревить клитор, а во влагалище влезает что-то побольше пары пальцев. И ноги мне под коленками покрепче прихватили, а они по-прежнему были подняты и широко раздвинуты. И лампу с живота убрали, рядом поставили. Я скосила глаза вниз. Сквозь лобок очередного партнера и мелькание его члена я увидела, что главарь стоит около моей промежности и запихивает во влагалище свой орган. Судя по ощущениям, этот мерзкий отросток уже опять отвердел, но входил почему-то очень легко. А главарь рассмеялся:

— Ребята, эта шлюха уже потекла. Видно мы ее хорошо раздрочили.

То, что он сказал, было неправдой. Мне по-прежнему было очень противно все, что они со мной делали. Если бы рот у меня не был занят, я бы сказала этим негодьям все, что о них думаю. А если бы смогла добраться до телефона и вызвать полицию, то тогда бы им вообще...

Но, с другой стороны, я ощущала, что все их действия не так уж неприятны. Должно быть я уже просто приспособилась. Поэтому мне казалось, что все это не так страшно, как казалось в самом начале. И даже вкус какой-то я начала находить и в сперме, льющейся в мой рот, и в члене главаря, влетающем в мое влагалище. Ну а то, что кого-кого, а главаря сердить не стоит, я уже давно поняла. Поэтому даже немного помогла ему — чуть приподняла таз и стала едва заметно двигать бедрами.

А сама при этом была где-то далеко-далеко. Я представила себе, что я вдвоем, только вдвоем с моим женихом, что он жив и со мной. Что не вся эта гадкая свора, а он, только он один любит меня. Что отдаюсь я только ему, моему милому, родному...

Но от этих мыслей я очень быстро очнулась. Кто-то из них сказал:

— Посмотрите, как она подмахивает!

А другой говорит:

— И отсасывает от души!

Еще кто-то добавил:

— Вошла наша шлюха во вкус. Пора ее использовать на всю катушку.

Тут я осознала, что действительно страстно занимаюсь любовью. Что сама двигаюсь навстречу члену, входящему во влагалище. Что с упоением сосу другой член. Что руками, которые никто давно уже не держит, поглаживаю член и живот мерзавца, стоящего около моего лица. Ну и что мне было делать? Совсем перестать шевелиться и улечься, как бревно? Можно себе представить, как они тогда разозлятся. Поэтому я сделала вид, что это действительно они меня так завели и продолжала двигаться так же интенсивно. И тут я еще почему-то только сейчас подумала: «Как хорошо, что у меня позавчера уже закончилась менструация». Ведь если бы эти мерзавцы увидели мою грязную прокладку, да еще кровь во влагалище, то они бы меня должно быть совсем убили.

А тем временем они перевернули меня на бок, и вдруг я почувствовала, как что-то холодное и скользкое ковыряется у меня в попе. Сначала я даже не сообразила, в чем дело. А потом

вспомнила, как еще в детстве меня несколько раз осматривала женщина-гинеколог. Тогда, чтобы не нарушить девственность, она таким же холодным скользким навазелиненным пальцем залезала в анальное отверстие и через него ощупывала внутренние женские органы. Это было неприятно, но терпимо. Так что, кто-то из этих подонков тоже врач? Что он хочет? Осмотреть меня? Так они же уже вовсю и насмотрелись, и натрогались, да во влагалище, да с лампой. А тем более сейчас у меня внутри находился член главаря. И не просто находился, а интенсивно работал.

Но тут я почувствовала обжигающую боль и все поняла. Кто-то пытался проникнуть в меня через заднее отверстие. Боже, и это ему удавалось! Но было очень больно. Когда же это продвижение закончится? В конце концов ягодицами я почувствовала его теплый живот и поняла, что уже все. Я оказалась наколотой на трех членах. Двое были в моей промежности и мне касалось, что через тонкую перегородку их члены соприкасаются. А еще один находился в моем рту, переполненном слюной и чужой спермой. Мне казалось, что я вся превратилась в какое-то огромное влагалище, распахнутое всем и для всех. И, как ни странно, я даже начала получать от этого какое-то странное извращенное удовольствие. Что я так бесстыдно лежу совершенно голая, что совсем не стесняюсь, что полностью раскрыта, что каждый из них может иметь меня куда угодно. Я испытывала именно психологическое наслаждение, не сексуальное. Может быть потому, что мне было больно, уж слишком много они в меня засунули. Хотя чувства тоже вроде бы начали пробуждаться.

Тут один из них, стоявший в это время в стороне, засмеялся и говорит:

— Ребята, что же это вы ее трахаете вразной? Она от этого кайфа не получает. Давайте в такт, — и начал мерно хлопать в ладоши. Остальные тотчас присоединились и даже начали громко считать:

— Раз, два. Вперед, назад. Раз, два. Вперед, назад...

А тем, кого я обслуживала, это видно понравилось. Они начали входить и выходить из меня одновременно. В промежности стало намного больней. Мне даже сначала показалось, что они там все разорвут. Но потом меня начала заливать какая-то сладкая волна и о боли я забыла. Хотелось, чтобы это продолжалось и продолжалось, чтобы никогда не оканчивалось. А потом сладкая волна начала спадать, и я со страхом подумала, что мы ужасно шумим. И что, не дай Бог, проснется и прибежит сюда моя малышня. И увидит меня в такой позе. И увидит, что со мной делают. И увидит, что мне это нравится, что я совсем не сопротивляюсь. А потом подумала, что почему же это я одна должна терпеть надругательство этих подонков, а малышня может мирно спать. Это нечестно. Уж если под одной крышей живем, то все поровну должно быть. Видно накликала я беду своими мыслями. Что-то скрипнуло, и краем глаза я увидела, как приоткрывается дверь и в комнату входит Бегги в своей длиннющей белой ночнушке, со сна еще вся взлохмаченная. «Ну все, попалась пташечка» — подумала я. А сестричка моя младшенькая еще щурится от яркого света, но как увидела этих мерзавцев, да без штанов, с огромными торчащими вперед членами, то сразу застыла, как вкопанная. Насколько я знаю, она вообще никогда живьем мужские органы не видела. А подонки эти тоже не ожидали, что кто-то явится, перестали хлопать в ладоши и во мне перестали двигаться. Но двое тут же к ней подбежали и схватили за руки. Тут она, наконец, меня в распятой позе увидела. Глаза у нее округлились, рот открылся, но даже закричать она не сумела, только что-то сдавленно прохрипела. Дурочка она у меня все-таки. Вместо того, чтобы тихонечко в комнату заглянуть, увидеть весь этот кошмар и полицию вызвать, она сама сюда

заявилась. Так что сама виновата. А главарь меня сразу спрашивает:

— Кто это?

А я даже ответить не могу — во рту очередной отросток. Так вначале только промычала что-то. Рот тогда мне освободили и я сказала:

— Сестра.

— А еще дома есть кто-нибудь?

Я молчу. Врать-то ведь не стоит, хуже будет, а правду сказать никак не могу, прибьют ведь всю мою малышню. А он видно понял, что еще кто-то дома и сразу своим на дверь кивнул. Почему они раньше все комнаты не проверили, я так и не понимаю. Должно быть, со мной слишком увлеклись. Так что трое или четверо сразу кинулись дом обшаривать, а один из тех, кто Бегги держал, одним рывком ночнушку с нее содрал.

И вот стоит моя бедная сестренка перед этими подонками в одних трусиках, испуганная вся, грудки свои детские ручками прикрывает. А трусики у нее совсем тонюсенькие-тонюсенькие и светленькие такие, так что весь темненький треугольник как на ладони, даже расщелинка внизу видна. Я тут подумала, что трусики эти она должно быть для Роя одела. Так что она небось предполагала, что что-то с ним у нее будет. И на ночь их не сняла поэтому. Ну что ж, если она такая развратная, то ей же и хуже будет. А они гогочут, рассматривают ее снизу доверху. Потом один говорит:

— Давай-ка руки опусти. Мы на твои сиськи посмотреть хотим, — и ножик ей ухмыляясь показывает.

Вот ведь скоты какие! Нет, чтобы самим ей руки заломить и смотреть тогда сколько влезет. Так им нужно, чтобы она сама им все показала! И вроде, как добровольно. А рот-то ей все-таки на всякий случай зажали, чтобы даже пикнуть не смогла. Какое же это свинство так над девочками издеваться!

Ну а Бежке-то моей делать нечего. Так что руки она опустила, только покраснела очень. А те, что ее держали, тогда по комнате стали водить. И перед каждым останавливали. И каждый за грудки ее нежные трепал и говорил что-то вроде «Молодец!» или «Ох, до чего у тебя сиськи хорошие!». И смеялись при этом. А сама Бежка не на них, а только на меня с ужасом смотрела. Как меня полностью раскрыли и во все три отверстия обрабатывают. А я даже не сопротивляюсь совсем, а даже наоборот им помогаю, двигаюсь навстречу. Должно быть представляла себя на моем месте. Ну да она всегда только о себе и думает, сестре никогда не посочувствует. Так я на нее из-за этого разозлилась, просто словами не передать! Ну, думаю, ты еще попляшешь перед своим Роем в этих трусиках. Надо сказать, так оно потом и случилось.

А тут ее к главарю подвели. Он до этого только на пару секунд приостановился, когда Бегги появилась, а потом опять продолжил со мной любовью заниматься. Но только медленнее и на нее поглядывая. А как сестренка оказалась около него, то до грудей даже не дотронулся. Сразу ей руку в трусики запустил и щупать ее там стал. Но от меня при этом не отрывался, а даже еще сильнее стал входить. Бегги до того двигалась как сомнамбула, а тут вдруг напряглась и очень громко, визгливо так закричала. Должно быть только сейчас до нее дошел ужас всего, что происходит. Они даже вздрогнули от такого визга. Но тут дверь широко распахнулась и в комнату втолкнули обоих мальчишек. Так что вся малышня была теперь в сборе.

Толком посмотреть на них я не могла, мешали эти подонки. Так что я только скосила глаза в ту сторону и кинула один взгляд. Но и этого было достаточно. Вид у мальчишек был еще тот.

Во-первых, они были совсем голые. Почему, я так и не знаю. Может быть, зачем-то разделись на ночь. А скорее, эти мерзавцы сорвали всю одежду просто для того, чтобы их унижить, во всяком случае тогда я так подумала. Во-вторых, мальчишек избили. И здорово. У Билла была расквашена губа, а у Роя из носа шла кровь. Так что они оба были порядком перемазанные. Может, они рванулись на помощь, когда Бежка так завизжала, а сволочи эти их поэтому побили, не знаю. Но если это и так, то очень глупо мальчишкам сопротивляться, когда их ведут здоровенные парни. Ну да что с них взять, малышня — она малышня и есть.

Как мальчишки появились, то все в комнате сразу переменялось. От меня все трое оторвались, к ребятам подскочили и крепко выкрутили им руки за спину. А я так и осталась лежать с задранными и разведенными в стороны ногами. Я чувствовала, что оба мои отверстия внизу широко открыты, что видны все мои внутренности, до отказа заполненные спермой, и что эта мерзкая жидкость из меня вытекает. Я уже никого не стеснялась и стесняться не хотела. Наоборот, мне было даже приятно, что на меня смотрят, что все у меня можно увидеть, даже самое сокровенное. Хоть меня никто уже давно и не держал, ноги я сама подхватила и не отпускала. Пусть, думаю, на меня посмотрят, как мне досталось от этих выродков. И пусть все смотрят, и сволочи эти, и Бегги, и Билл с Роем. Пусть посмотрят, что они со мной делали, во что меня превратили. Сами-то в это время спали, самим-то все это время хорошо было. А я страдала, меня грубо насиловали. Надо мной издевались, а я ничего не могла сделать, даже на помощь позвать.

Только, правда, на минутку эти подонки на меня отвлеклись. Вынули две свечи из красивого подсвечника на столе, подарка жениха, и в меня засунули. Одну во влагалище, а другую в задний проход. И глубоко так, до боли. Сказали только при этом:

— Это чтоб пока нас не забыла, да не сжалась. Так и лежи. Только двигай их потихоньку, — и опять все рассмеялись. Ну а мне-то делать нечего, пришлось действительно их двигать. Только ту, которая в попе, я не трогала, двигала только переднюю свечку. Надо сказать, что-то в этом было. Особенно заводило меня то, что делать это пришлось у всех на глазах, и у малышни, и у мерзавцев этих.

Да, так вот, Бежка, как мальчишек втолкнули, то сразу вся сжалась, ноги сдвинула, одной рукой грудки свои обхватила, а другой темный треугольник на трусиках загородила. Сразу, негодница, как ребята наши появились, то вспомнила, какие трусы на ней надеты. А до этого все равно ей что-ли было? Теперь же недотрогу и скромницу из себя воображает.

Мальчишки же, как нас с Бегги увидели, а особенно меня в такой позе и в таком виде, то сразу вырваться начали. Помочь, глупенькие, должно быть нам захотели. Но я тут подумала, что это не потому, что они такие уж хорошие и самоотверженные, а это просто у них инстинктивное: если женщина в опасности, то мужчина просто обязан ее спасать. Так что тоже хороши...

Ну а эти подонки, заметив смущение Бегги, сразу заржали, на нее пальцами показывать стали, а мальчишек ко мне подвели:

— Кто это? — и на Билла показывают.

— Брат, — отвечаю.

— А этот тоже брат?

Ну а я тут так на Бежку, да и на мальчишек рассердилась, что и брякнула, не подумав: — Ухажер сестрички.

Потом-то уж, конечно, пожалела, что так сказала, да поздно было. А они, как услышали это,

опять заржали:

— Ухажер, говоришь? Ебарь, значит?

— Да нет, — отвечаю, — она еще девушка, они только целовались, — а только потом подумала, что что-то я нехорошо делаю и добавила:

— Мальчики, я вас очень прошу. Со мной вы уже по-всякому играли. И лучше еще поиграйте, если хотите, но сестренку не трогайте. Пожалуйста... Я вас очень прошу...

— Ну, конечно, мы тебя слушаемся, — отвечают и ухмыляются при этом. А сами Роя к Бегги подводят и говорят ей:

— Что же это ты, красавица, перед нами ходила, всем себя пощупать предлагала, а кавалера своего сразу застенялась? Давай-ка ручки убери от своих прелестей.

Она зарделась вся, но послушалась. А Рой голову в сторону повернул, чтобы на нее не смотреть, не смущать. Они же не унимаются:

— А теперь обними его, да поцелуй покрепче.

Мне показалось, что Бежка даже облегченно вздохнула от этого приказа — все-таки он не сможет ее раздетую разглядывать. Рой тоже к ней повернулся, обнял и они стали целоваться. А сестричка, как обняла его, то сразу громко заплакала. И он тоже, хоть и парень. Крепился должно быть долго, а потом не выдержал. Размазня он все-таки, настоящие мужчины не плачут. И как можно сразу и реветь с подхлипываниями, и целоваться, я не понимаю. Должно быть, это только у малышни получаться может.

— Ну хватит, — один из мерзавцев этих сказал, — присосались. Давай-ка сиськи ей потрогай, которые она нам всем показывала, а от тебя прятала. Небось, еще ни разу ее не щупал. Так что пользуйся, что мы добрые.

Рой от Бежки оторвался, только за плечи ее держит. А сам опять голову в сторону отвернул и не шевелится.

— Хочешь, чтобы тебе яйца отрезали? — другой спрашивает, огромный свой нож ему показывает и вниз наклоняется. — Кому сказано!?

А Рой молчит и по-прежнему не двигается, рук с Бежкиных плеч так и не убирает. Глупый он все-таки. Какой смысл этим подонкам сопротивляться, все равно они настоят на своем. Гонор свой дурацкий только показывать, да их озлоблять.

Мерзавец же этот с ножом тогда нагнулся, Рою мошонку оттянул и грозно так спрашивает:

— Ну?!!

Тут уж Бегги не выдержала, испугалась должно быть:

— Погладь меня. Мне даже приятно будет.

Он послушался и стал нежно-нежно легкими прикосновениями дотрагиваться до Бежкиных бугорков. Тут я заметила, что от этих поглаживаний член Роя, до сих пор висевший, как тухлая сосиска, начинает приподниматься. Никакого все-таки сострадания к другим у этой малышни нет! Так тут над нами с Бегги издеваются, особенно надо мной, а он только о своем думает. Эти сволочи тоже заметили, как Рой на сестренкины грудки прореагировал и засмеялись:

— Ребята, посмотрите на этого щенка. У него уже вставать может!

— Да плохо еще.

— Ничего, она сейчас поможет.

Тут ей тот, кто с ножом и говорит:

— Давай-ка поласкай своего кавалера. Потрогай, что у него между ног, — и ножом своим ей

попку кольнул.

Бегги чуть взвизгнула, но, видно, уже тоже решила, как и я, что особо сопротивляться не будет, а может укол помог. Но только она сразу руку вниз протянула и в ответ на ласки Роя тихонечко так его член поглаживать стала. Рой сразу покраснел, может от стыда, а скорее от возбуждения, и губу закусил. А член его сразу вырос и прямо в сестренку упираться стал. Эти же подонки еще пуще развеселились:

— Смотрите, он ее трахать уже захотел!

— Может быть, дадим?

— Так ее же сначала раздеть надо.

— Вот пусть он и разденет. И нам покажет.

А Бежка моя бедная стоит ни живая, ни мертвая, застыла вся. Кажется, и не дышит совсем. Ну вообще-то сама виновата, что так глупо попалась. Тут ей и говорят:

— Давай-ка на стул залезай, чтоб лучше видно было.

Делать ей нечего, сразу на стул встала. Прямо посреди комнаты, животом прямо к Рою. Как будто не могла хоть отвернуться от него. Но это должно быть для того, чтобы он смог на ее трусики посмотреть, которые она специально для него и одела. А Рой голову в сторону уже не отворачивает. Прямо на трусики ее прозрачные и уставился, на темненький треугольничек с расщелинкой. А потом обнял ее за талию и лицом прямо ей в живот уткнулся. По-моему, опять заплакал, только тихо. Но член все равно стоит, почти вертикально. Тогда главарь ему говорит:

— Раз трахать ее хочешь, то давай трусы с нее стаскивай.

А другой добавил:

— Без труда не вытащишь и рыбку из пруда. — И они все опять засмеялись.

А Рой еще крепче к Бежкиному животу прижался и только плечи у него вздрагивают. Точно, плачет. Тогда тот, кто с ножом, главарю говорит:

— Опять он нас не слушается. Кастрировать его что-ли? — и опять Роя за мошонку взял и к себе ее потянул.

Бежка же опять за своего любимого испугалась (дурочка она у меня все-таки) и предлагает:

— Давайте, я сама сниму, — и уже пальцы под резинку трусиков продевает.

А главарь сразу строго так говорит:

— Нет!! Он с тебя снимет! А то без яиц останется!

И Бегги тоже с ним соглашается, Рою тихонько так говорит:

— Лучше тыними, чем они.

Ее Рой сразу послушался, трусики стянул, а чтобы никто ничего из Бежкиного хозяйства не увидел, сразу к ней прижался, а попку даже руками обхватил. Малышня, она малышня и есть все-таки. Трудно что-ли понять, что не для того ему трусы с нее стаскивать велели, чтобы потом ничего не увидеть. Мог бы и сам сообразить, даром что-ли член у него уже как каменный стоит. Так что ему не только отойти велели, но и ногу Бежкину задрать, чтобы уж совсем было все, как на ладони. Ну а тут уже ему делать нечего, пришлось. Бегги стоит на одной ноге, за его голову держится, чтобы не упасть, а он, как велено было, ее ногу себе на плечо поставил. А эти мерзавцы сестренкины стати обсуждают всюю. Да так, что как будто она не человек, а лошадь какая-нибудь. И то, какие у нее грудки, и какие трусики на ней были, и какие ляжки, и какая задница, и какая щелочка, и поросль какая редкая, и как у ухажера стоит на нее, и все такое. Бежку саму и Роя совсем в краску вогнали, стоят они

пунцовые, как раки вареные. А сами же виноваты, что до такого довели.

Да, забыла сказать, что я уже давно ноги опустила и лежу спокойно, только на них поглядываю и свечкой передней шевелю, как эти мерзавцы велели. А какой смысл лежать в раскоряку, если на меня внимания никто не обращает, ни наша малышня, ни эти мерзавцы — все только Бегги и Роем заняты. И те, кто ими командует, и тот, кто Билла держит. Даже обидно немного.

А тут эти подонки Рою на меня показывают и говорят:

— Слушай, кавалер. Тут сестра ее утверждала, что твоя сучка еще целочка. Давай-ка щелку ей раскрой и нам покажи. Может тогда и не тронем.

Рой от этого по-моему еще больше покраснел, хотя, казалось, больше уже некуда. И застыл в нерешительности. Я так поняла, он думал, что с одной стороны хорошо, если ее не тронут, а с другой стороны он им не верил ни на грош. Но в общем-то выбора уже не было, это он понимал. Так что взялся он за губки сестренкины, наверх их поднял и в стороны чуть раздвинул. И как ему не стыдно было это делать, ведь даже сам немного в сторонку подвинулся, чтобы этим мерзавцам лучше видно было. Вот ведь предатель какой!

Из Бежкиной щелки венчик малых губок показался. Розовый такой, нежненький. А они только минуточку-другую на это полюбовались и опять недовольны:

— Не видно же ничего, — говорят, — давай-ка, сестричка, на стол ложись, а ты, кавалер, ей ноги задерешь. И не бойся, ничего плохого не будет. Видишь, как мы старшую завели. Сама себя дрочит без передыху. Это они неправду сказали, конечно. Ничего они меня не завели. А свечкой двигала у себя внутри потому, что если бы перестала, они бы наверняка рассердились. Этого же я ни за что не могла допустить, ведь их злость перекинулась бы на малышню. И малышне было бы еще хуже. Правда, с другой стороны, мне тоже было приятно свечкой двигать. Только для того, чтобы ощущений было побольше, приходилось ее из стороны в сторону водить. Это должно быть потому, что слишком много жидкости у меня там было — и моя смазка, и, главное, их сперма. А ей я вся была заполнена. Обидно было только, что на меня мало внимания сейчас обращали. Мне бы хотелось, чтобы все видели, что эти мерзавцы со мной сделали и во что меня превратили. Сначала я для этого ноги раздвигала, чтобы все на меня смотрели, чтобы все складочки видны были. Теперь даже привстала немножко. Однако все в комнате только на Бежку с Роем и смотрели, обидно. Но все равно эти подонки лгали, что меня завели. И еще напрасно обижали при этом.

Бегги, по-моему уже поняла, как и я раньше, что мерзавцам этим сопротивляться не стоит, хуже будет. И еще на нее, думаю, подействовали два укола ножом в попку. Уколы эти весьма ощутимы должно быть были — как Бежка повернулась, то я увидела, что по ягодице у нее две струйки крови стекают. Но так или иначе со стула сестренка слезла, вернее, даже не слезла, а сползла по Рою, и к столу направилась. И за руку Роя своего ненаглядного за собой тащит. Но если раньше красная была, как рак вареный, то теперь побледнела вся, идет пошатываясь и глаза как-то никуда не смотрят, даже на Роя своего. К столу подошла, сразу спиной на него улеглась и ноги поднимать стала. А главарь говорит, да с улыбкой такой гадкой:

— Нет, милая, тебе самой тяжело ножки задирать. Это пусть твой кавалер сделает, — и тому, кто с ножом кивнул. А тот опять Роя за мошонку схватил, ножом до нее дотронулся и к Бежке коленом подтолкнул.

У Роя из глаз слезы льются, но это от испуга должно быть. Предатель, он и есть предатель. Так что взялся он за сестренкины ноги, поднял их, в стороны раздвинул. А сам в сторону

смотрит, не на Бежку, чтобы свою подлость не видеть. Они это заметили.

— Нет, — говорят, — на нее смотри, не видел, небось, раньше. И нам покажи. Щелочку ей раздвинь пошире, — а сами настольную лампу к ней подтаскивают, чтобы исследовать ее, как меня раньше.

Ну а ему-то на Бежку наплевать, только о себе и думает, чтобы свое мужские причиндалы сохранить в целостности и сохранности. Так что он их сразу послушался, Бежкину щелочку перед ними развернул всю и сам туда же уставился. А слезы по-прежнему из него текут, должно быть из страха за яйца свои драгоценные. А эти мерзавцы довольны. Лампу в сестренку направили, да еще руками в нее полезли. Ну, конечно, убедились, что она девственница и Рою говорят:

— Посмотри внимательнее на ее щелочку. Больше не увидишь, — и голову его пригнули пониже, почти вплотную к Бежкиным органам.

Ну а Рой и рад ее разглядывать, действительно ведь раньше не видел. Как будто не понимает, что одно дело на нее смотреть, когда они вдвоем были бы, а совсем другое — когда при них при всех. А тут кто-то из этой шайки сказал:

— Ребята, да она сухая совсем, не то, что та, — и на меня показывает.

А другой добавляет:

— Конечно, шлюшка-то сразу потекла, а эта вряд-ли. Пусть хахаль ее полижет. И ему в удовольствие и нам работенки поменьше.

Вот ведь мерзавцы какие. Чуть что, сразу на меня показывают. Как будто я действительно проститутка какая-нибудь, а не честная девушка, которая только одного парня раньше и знала. И что значит «сразу потекла»? Это тоже неправда. Вначале ведь мне вообще было ужасно противно. Только потом немножко понравилось, даже не понравилось, а так, что-то вроде того... И трусики прозрачные я на ночь не одевала, чтобы перед парнем каким-нибудь в них крутиться, не то, что Бежка. Так что она сама во всем виновата. Да и за яйца свои я не переживала, тем более их у меня и нет вовсе. Так что Рой тоже хорош, предатель.

А ему тем временем голову еще ниже нагнули и стали носом по Бежкиной промежности возить. Ну и опять отрезанными яйцами припугнули, как и раньше, так что стал он как миленький ее вылизывать. И видно здорово во вкус вошел, судя по члену его, который поднялся, потолстел, да так кровью налился, что совсем фиолетовый стал. А потом сам ее за ягодицы схватил, видно, чтобы удобней было, и давай сестренкину промежность изо всех сил лизать. И при этом всхлипывает, предатель, и слезы ей во влагалище льет. Бежке же, судя по всему, приятно стало, что ее кавалер с ней занимается. Так что глазки она закрыла и лежит такая спокойная-спокойная. Ну а подонкам этого мало показалось.

— Ты что, не знаешь, — говорят, — где баб лучше всего лизать? Давай, клитор ей языком пощекочи.

А Рой не слушается, и по-прежнему продолжает ей губки и щелку облизывать. Должно быть, просто не знает, где все наше женское хозяйство находится. Так ему голову за волосы приподняли, пальцами прямо перед носом венчик раздвинули и клитор показали. А потом прямо туда и нагнули. Рой уже как шелковый стал. Так что безо всяких понуканий стал Бежкин клитор обрабатывать. Ей это, видно, здорово понравилось. Так что сестренка, никого уже не стесняясь, глаза еще крепче зажмурила, чуть громче задышала и даже бедрами немножко задвигала.

Мерзавцы сразу это заметили, захохотали и приказали Рою еще попку ей полизать.

— А то, — говорят, — она не во всех дырках еще подготовлена. Так что давай задницей ее займись. А то мало-ли чего нам захочется.

Ну а Рой рад стараться. Носом ей во влагалище уткнулся, а языком ниже орудует. Лижет, старается, предатель. А у самого член прямо лопнуть готов, так кровью и желанием налился. Мне даже показалось, что у него на конце капелька показалась. Я еще подумала: «Кончает он, что-ли, над моей сестренкой так издеваясь?». Но кроме этой капельки больше ничего из него не полилось, так что я решила, что ошиблась.

А тут его со смехом отстранили от Бежки:

— Хватит, что-то ты больно разошелся, — и велели ему ее ноги еще выше поднять, развести пошире и крепко держать. А к Беггиной щелочке главарь начал пристраиваться. Вот ведь, как будто со мной не натешился вдоволь. Но не просто пристраиваться стал, а решил еще малышню нашу унижить. Велел он Рою взять в руку свой мерзкий отросток, по Бежкиным губкам поводить, чтобы встал получше, а потом его туда и засунуть. Как будто сам не мог это сделать. А эти дурачки чуть ли не хором:

— Но вы же обещали не трогать, если вам все покажут... — а те в ответ только смеются.

Так что пришлось Рою самому воткнуть член главаря в свою ненаглядную. Закричала бедная Бежка моя от этого ну просто страшно. А Рой сам ей ноги раздвигал, да еще держал при этом, чтобы не отстранилась. И сам, надавливая на ноги, задницу ее к главарю пододвигал, чтобы этому бандиту удобней было. А как главарь кончил, Рой за ним все аккуратно вылизал, и сперму его, и кровь Бежкину. А потом опять клитор полизал. Им все это понравилось. Поэтому после главаря ухажер сестренкин и остальных мерзавцев должен был сестренкой обслужить. Но уже не только во влагалище, но и в попку, и в рот. И после каждого раза Бежку очищать языком от их поганых выделений. Но что-то не было заметно, что ему очень противно — член у Роя стоял, что надо. И сам он как бы двигался вместе с ними, да еще губы свои, предатель, облизывал почти все время. Только сестренка моя несчастная время от времени уж очень громко вскрикивала, особенно, когда ее сильно долбили в оба нижних отверстия. А в первый раз, когда ей в попку засунули, она так заорала... Но я уж подробно не могла больше все это видеть, потому что эти подонки обо мне и о Билли, братишке моем младшем, вспомнили.

Правда, я еще слышала, как они Рою еще что-то несколько раз приказали, и довольно угрожающе. Он, видно, послушался, потому что потом я слышала, как он все просил их посмотреть на Бежкину щелочку, на ее губки, на все дырочки и нахваливал, какие они нежные, мягкие и розовые. А влагалище и анальное отверстие тугие и очень приятные, так он говорил. И еще очень упрашивал их туда забраться своими членами, предлагал, что сам во всем поможет, сам засунет, что все уже совсем чистое, потому что он там все хорошо вылизал. А потом благодарил каждого за то, что они так здорово очередную Бежкину дырку обработали и сообщал, что сам бы так хорошо не смог. Так что свое нутро предательское он всю показывал.

Но всего этого я уже не видела, не могла, только слышала. Ведь я-то уж надеялась, что со мной больше ничего не будет. Наигрались же они во мне так, что дальше некуда. Да и Билл им, вроде, уже ни к чему. Но, к сожалению, ошиблась. Где то трое-четверо еще Бежкой с Роем занимались, а остальные ко мне подошли и брата подвели.

Вообще, надо сказать, я даже не ожидала, что у такой малышни, как Билл с Роем, уже такие висюльки здоровые отрасли. А возбужденные — не меньше, чем у этих выроdkов, ну если и

меньше, то совсем ненамного. Особенно у Билли, Рой-то чужой. А Билла я еще совсем недавно в ванной голого как-то застала. Ну и вниз на его органы вроде как бы случайно посмотрела и ничего особенного не увидела. Все совсем еще детское было, маленькое, только немножко курчавых волос на лобке. А сейчас у него от всех этих зрелищ член принял уже довольно внушительный вид, практически, как у Роя. Еще бы, он ведь все это время не вырывался даже совсем, только смотрел во все глаза. Так что было от чего.

Вначале у него спросили, будет ли он их слушаться, или ему яйца надо отрезать. Ну а Билли уж на их работу с Роем нагяделся. Так что сразу ответил, хотя и сквозь зубы:

— Буду...

— Ну а раз будешь, то берись за ее свечки и орудуй. Да побыстрей и покрепче!

Когда он только начал их двигать в моих внутренностях, меня вдруг охватил такой стыд, что просто словами не передать. Как же так, мой младший братишка мастурбирует меня у всех на глазах! Но потом я прикрыла глаза и мне опять, как и раньше, стало приятно. Тем более, что Билли возился со мной совсем не так, как они. Они все делали грубо, жестко, а он мягко и нежно. Даже животик мне поглаживал, и ножки. И так все ласково было, что во мне стала нарастать теплая волна. И все сильнее и сильнее. Я уже начала в ответ даже двигать бедрами, но тут услышала его всхлипывания, открыла глаза и увидела, что из него действительно слезы текут. Надо же — двигает в моем влагалище и попке свечками, очень хорошо двигает, и в это время плачет! Малышня все-таки, она малышня и есть. Ну а мне-то что делать?

Успокоить ведь его надо, а то никакого удовольствия может и не быть. Так что я ему говорю:

— Не реви, дурачок. Мне же хорошо от тебя, не то, что от этих. Ну, не реви...

Он вроде бы от этого замолчал. А я опять глаза закрыла, и опять мне хорошо стало становиться. А тут эти мерзавцы все сбили. Слышу, один спрашивает:

— Ребята, эту шлюху трахнуть еще кто хочет? Хоть в какую-нибудь дырку? А то она совсем готова, даже жалко, что добро пропадает...

Никто ему не ответил, тогда он и говорит:

— Ну коли все сестричкой ее занялись, то надо и братику подсобить. А то он весь исстрадался, — и уже к Биллу обращается:

— Давай-ка ей в рот свое хозяйство вставляй, а то оно лопнет, — и мне говорит:

— А ты, шлюха, покажи ему, чему мы тебя научили.

Так что пришлось мне и у Билли отсасывать, да с открытыми глазами по их приказанию. Он, бедный, плакал при этом, а я даже не могла его утешить — рот-то был занят. Когда он стал кончать, а это было по нему очень заметно — задышал громко, даже чуть подвывать стал — то они ему велели вынуть член, а мне — открыть рот. Решили посмотреть, сколько спермы из него выльется. Вылилось много, и с расстояния где-то около фута полетело прямо мне в рот. Я хотела было это выплюнуть, брат родной все-таки, но они не дали, показали нож и велели все проглотить.

Потом я должна была еще раз как следует возбудить Билла. Правда, сделать это было не трудно. Почти сразу, как я до его органа дотронулась, он опять поднялся. Так что не так уж он переживал за меня, похоть его куда сильнее оказалась и показала, чего он на самом деле стоит! Вот так-то! А ему велели вынуть из меня свечки одну за другой и вместо них в каждое мое отверстие по очереди свой член засовывать. А руками меня за груди сжимать. Ну это уж он, предатель, с удовольствием делать стал, даже плакать прекратил.

Только кончить ему не дали. Как уж совсем возбуждаться стал, задвигался резче, то его от

меня оторвали и рядом поставили. Красного, потного, судорожно дышащего. С мокрым, поднятым к животу и подергивающимся органом, с надувшейся фиолетовой головкой. Вид что надо! И никаких переживаний по поводу того, что он со мной делал! Брат, называется! А бандиты к этому времени с Бегги и Роем натешились уже вовсю, больше никто из них ничего не хотел должно быть. Так что они на нас на всех переключились. Но парочке нашей так соединиться и не дали, мерзавцы.

Наоборот, Бежке встать велели, хоть у нее сил уже никаких не было и кровь вовсю по ногам текла, к нам подойти и самой в меня член своего ухажера вставить. А с ней чтобы Билл любовью занимался. Так что Рой меня, а Билл сестренку обработали вовсю. Во все отверстия. И кончили каждый по несколько раз. И во влагалище, и в попку и в рот. Да им велели еще каждый раз нас вылизывать, стимулировать клитор, а этих сволочей благодарить за доставленное удовольствие.

Почти до утра весь этот ужас продолжался. И я, и малышня моя обессилили уже совсем. И уж, конечно, совсем этим мерзавцам не сопротивлялись, все выполняли, что они требовали. Под конец двое из этих бандитов еще разочек нами с Бежкой занялись, а мальчишки нам ноги держали. И с удовольствием держали, по моему. Ну да нам уж все равно было.

Наконец, они уехали. Я собралась с силами и велела малышне убрать и как следует почистить дом. Так что к приезду родителей никаких следов в доме от этой банды не осталось. Следы остались только в моей душе, я все поняла насчет малышни. Я поняла, какая у меня Бегги вредная дура и какие похотливые предатели Билл и Рой. Смотреть я на них на всех больше не могла, до того мне они все противны стали.